

Нас ждет огонь смертельный

Булату Окуджаве 80 лет

День Победы – 9 мая. День рождения Булата Окуджавы – также 9 мая. Для многих людей моего поколения «поздних шестидесятников» эти даты неразрывны.

Причину объяснить нетрудно. Дело не только в том, что поэт-фронтовик написал немало пронзительных военных стихов и песен. Речь, скорее, о том, кем был Окуджава для нас. Теперь, по прошествии лет, ответ можно сформулировать просто: Богом. Ироничным, сердечным, неслесным Богом для атеистов, взыскующих вечности. С привкусом запретного плода, как всё в той стране, где религия, вечность и даже тихие песенки под гитару вызывали у власти подозрение и карались по-разному: замалчиванием, цензурой, высылкой из страны. Как ни банально звучит, этот волшебный голос под шестиструнный аккомпанемент рифмовался со свободой, которой молились поколения интеллигентов в несвободной стране. Галич речитативил про «политику». Высоцкий кричал о боли и от боли. Окуджава негромко пел о вечном. Мы их любили, каждого по-своему, но споров в умных компаниях не возникало: молиться следовало на окуджавский манер...

Я был знаком с ним, не более того. Пользовался привилегией журналиста: брать интервью у знаменитостей. Но, договорившись о встрече, сидел с блокнотом сутки напролет, готова вопросы.

Жанр предполагал содержательное общение. Волнение мешало.

У него было удивительное лицо: по-детски доверчивые глаза и прерывательные, насмешливые губы. В глазах отражался поэт, каким он был задуман – чистым, возвышенным и романтичным. Над жесткими складками у рта потрудились люди и годы. Так соединились в его стихах и мелодиях неповторимые интонации голоса и те несоединимые черты: беспечность и страдание, наивность и тоска, беззащитность и мудрость.

Пацифист по убеждениям, он не придавал особого значения своему участию в войне. Сторонился встреч с однополчанами. Наверное, мог бы вслед за своим другом-фронтовиком спросить с недоумением и усмешкой: «Ну, что с того, что я там был?» Хотя на фронт ушел добровольцем, и даже слегка обманул военкома, переправив свой год рождения, торопясь погибнуть за Родину... Был ранен. О войне вспоминать не любил. В одной давней нашей с ним беседе с неохотой говорил о скучных тяготах окопной жизни, об отупении и усталости, жутком голоде и о заветной мечте школяра, попавшего на фронт: хоть денек отоспаться и поесть.

– **А когда страх смерти сильнее: в юности, на войне или теперь?** – спросил я его однажды с тактичностью, свойственной многим интервьюерам.

– Теперь, – ответил он, подумав. – В старости умирать страшнее, чем на войне.

Я не ожидал такого ответа.

– **Разве в юности умирать не больней?**

– Да, но теперь больше оснований, – улыбнулся Булат Шалвович. – Вот-вот она, уже близко, можно ее разглядеть. Но ужаснее всего, конечно, вольтеровское: «Умирать не страшно, страшно не жить». В юности этого ощущения не было совершенно. Тем более на фронте.

Там иное отношение к смерти. Она проще и нагляднее.

Эпоха перестройки и прочих великих потрясений совпала со старостью Окуджавы. Старикам положено впадать в детство. Говорят, эта болезнь не затрагивает мудрецов. С Окуджавой случилось нечто иное – он перестал ощущать себя ребенком. Взрослый мир навалился на него предощущением беды. Почти все последние стихи поэта катастрофичны. В стихах все острее и пронзительнее звучала тема прощания. Все чаще возникал образ огня, сжигающего жизнь. «Этот огонь – из фронтовых лет», – заметил он однажды.

Трагическая нота едва ли объяснялась только возрастом и ощущением близкой смерти, что, к несчастью, случилось с его бывшим другом писателем Владимиром Максимовым: «Я качусь в бездну, и мир валится в тартарары». Уж тем более плевать было Окуджаве на разную мелкую сволочь, увлекшуюся в газетках борьбой с шестидесятничеством. Кто он – и кто они.

Разочарование было крупнее, горше. С новыми временами вернулись давние, еще из оттепельных лет, надежды очеловечить власть, и эти детские надежды рушились долго, мучительно, и окончательно рухнули в декабре 94-го с началом первой чеченской войны. Он ощущал ее как национальный позор России. Участник самой справедливой из войн, он яснее многих чувствовал кромешную несправедливость этой бойни. До путинской эпохи и всеобщего нашего контртеррористического безумия Окуджава, к счастью, не дожил.

9 мая 94-го он праздновал свое 70-летие. В небольшом уютном зале, в окружении восторженных поклонников и друзей, в присутствии отдельных, симпатичных поэту членов правительства. Звучали приветственные крики, речи и песни. Под занавес Булат Шалвович под-

нялся на сцену. Он выглядел смущенным, усталым, больным. Дождавшись тишины, тихо и вежливо поблагодарил публику и добавил, вняв: «Простите, но все это мне глубоко чуждо...»

Взрыв скорби по Окуджаве утих, как это всегда бывает в подобных случаях. Но жизнь без него оказалась тяжелее, чем это представлялось в те июньские прощальные дни. Романтические мечты поэта очеловечить власть были, наверное, несбыточными. Но он умел как никто добиваться большего – очеловечивать, пусть на миг, хоть в те минуты, пока звучит песенка, всю нашу жизнь. И даже души вождей прочищать от смрада. Ходили слухи, что лично дорогой Леонид Ильич лил слезы над его «Десантным батальоном», Малую землю вспоминал, герой... Само присутствие Окуджавы в городе, в стране, на планете чуточку облагораживало действительность. Не намного, но миллиграмм. Однако хватало.

Сегодня ему 80. Его нет на свете. И эту потерю, это зияние ощущаешь как сиротство. Ибо с уходом Окуджавы, теперь уже вне всякого сомнения, в России началась настоящая, взрослая жизнь. Без бумажных солдатиков, милосердных сестер и зеленоглазого Бога. Без жалости и без пощады. А простодушная мудрость наша, детская доверчивость и насмешливая любовь умерли 12 июня, в День России. Но всякий раз 9 мая, в день рождения Булата Окуджавы благодаришь судьбу, что он жил на свете. Двойной праздник.

У него в доме было тепло, покойно, уютно. За окном виднелись литфондовские пейзажи, заштрихованные мелко идущим снегом. За заборчиком – дорога. Думалось, что она бесконечна. Но до станции было недалеко.